

Поэтому, если мы хотим идти по своему божественному предназначению, то должно осуществлять слова ап. Павла, сказавшего «последуйте смиренным» (Рим. 12:16), т.е. мы должны подражать смиренным, должны иметь это смирение. В нем заключается основа и вся сущность христианства по учению преп. Макария Египетского. Оно есть наше возрождение, обновление и спасение. Только за него Господь дарует нам Свою спасительную благодать, ибо Ему угодно было возвестить через Свое Откровение: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Иак. 4:6, ср.: 1 Петр. 5:5, Притч. 3:34). Впрочем, смирение необходимо нам не только для нашей будущей небесной славы. Оно потребно нам и во временной жизни для избавления нас от всех наших несчастий. Отсюда понятно, почему святые отцы Церкви свидетельствуют, что все бедствия посылает нам Господь, чтобы смирать нас и через смирение объединить нас с Собою, так как гордость удаляет нас от Бога и лишает нас не только будущего блаженства, но и временного счастья. Вот к чему мы должны устремлять все свое внимание. И так как Пречистая Божия Матерь есть первая наша Заступница и Избавительница от всех наших бедствий, то ясно, что все наши молитвы к Ней для спасения нас от всех наших напастей и получения всех временных благ должны иметь за собою наше смирение. И не только со смирением, но будем умолять Ее с любовью к Ней, памятуя, как Она тяжело страдала за нас, ради нашего спасения, когда стояла у Креста, на котором был распят Ее Божественный Сын. Не будем забывать, что Божия Матерь продолжает и ныне страдать за нас, когда мы тяжело согрешаем. Об этом свидетельствует видение св. Андрея Христа ради юродивого. Он видел, как Она обливалась слезами и молилась за верующих, осеняя их Своим материнским омофором. Будем наконец молиться Пречистой Божией Матери с неотступностью, так как Она немолчно и неотступно умоляет за нас Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа. Пусть как можно чаще в наших устах звучат слова молитвы к Ней нашей Православной Церкви: «Не умолчим никогда, Богородице, силы Твоя глаголати недостойнии... Не отступим, Владычице, от Тебе, Твоя бо рабы спасаеши присно от всяких лютых». Аминь.

Архиепископ Серафим (Соболев)

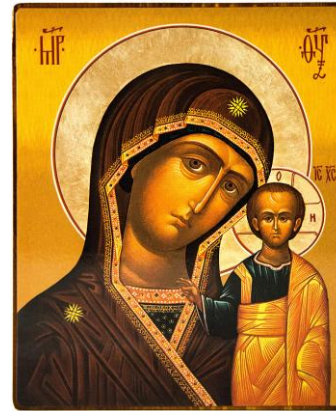
возопиим:/ радуясь, // смотрения Зигждителява исполнение.

Зёрнышко

Приходской листок храма Свт.Николая пос.Николао-Прозорово Июль' 21

КАЗАНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

«Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим... уничижил Себя Самого, приняв образ раба... смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени...» (Флп.2:5-9).

Спасительно нам знать, мои возлюбленные о Христе чада, почему Святая Церковь во дни Богородичных праздников обращает наше внимание за Литургией на эти апостольские слова, в которых говорится о превознесении Богом Отцом Своего Божественного Сына ради Его неизреченного смирения. Потому что и Пречистую Божию Матерь Господь превознес и даровал Ей имя, т.е. такую великую славу, которой не дал никому из созданных Им разумных существ. Недаром Православная Церковь ублажает Ее как Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим. Но славу сию Божия Матерь получила за то, что в великом смирении Своем Она уподобилась Самому Спасителю. Эта истина засвидетельствована Ею в словах, которые Пречистая Божия Матерь сказала праведной Елисавете: «Яко призре на смирение рабы Своея» (Лк. 1:48). Спрашивается, какой же следует отсюда для нас, возлюбленные, спасительный вывод? Мы с вами также призваны к великой небесной славе Царства Христова, к его вечному райскому блаженству. «Отче... хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне... прежде основания мира» (Ин. 17:24), сказал Господь в Своей Первосвященнической молитве. Но путь к этому нашему превознесению, к нашей будущей небесной славе, тот же самый, которым прошел Господь, которым шли Пречистая Его Матерь и все святые. Это путь узкий, скорбный и тернистый, путь смирения Христова.

Окончание на последней странице

О советах

Кроме действий обязательных, касательно которых мы состоим в нравственной необходимости, в Слове Божием предлагаются некоторые действия в виде *советов* в том смысле, что кто их совершает, тот делает лучше того, кто поступает иначе, и к коим потому приятно располагаемся, однако ж, не чувствуем себя связанными необходимостью. Что действительно есть такие советы, нет сомнения.

Когда к Господу пришел юноша с вопросом: *что сотворив, живот вечный наследую*? Господь отвечал ему: *аще хочещи внити в живот, соблюди заповеди*. Потом, когда юноша объявил, что все сие уже он сохранил от юности, и возжелал узнать, чего еще не докончил, Господь прибавил: *аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение и даждь нищим и гряди в след Мене*. Вот здесь очевидно разделение между обязанностями, необходимыми для спасения, и между такими действиями, через кои восходят только на высшую степень совершенства (Мф. 19:16 и др.).

Еще яснее та же истина у апостола Павла (1 Кор. 7). Его спрашивали о девстве и супружестве. Он отвечал, что обязывать к девству он не имеет заповеди от Господа, но совет соблюдать его — дает. Потом пространно объясняет, как и чем девство выше супружества. И заключает, что кто отдает дочь свою в замужество, делает хорошо, но кто позволяет ей оставаться девою, делает лучше. Здесь у апостола раздельно обозначаются заповедь и совет. Это, впрочем, только образцы советов. А на самом деле в жизни их может быть бесчисленное множество.

Потому несправедливо в какой-то отрасли протестантов вводится мысль, будто христианин ко всему решительно обязан, то есть как бы связан необходимостью. Есть обязательство и в совете, но только не такое, чтобы не исполняющий его делался преступником. Он есть только менее совершен. В этом нам совесть — верное свидетельство: не чувствуем ли такого уверения в себе, что вот такое и такое действие лежит на нас необходимо, и, не совершивши его, мы преступники, а то и то хотя и лучше, однако ж, мы не связаны в отношении к нему и не станем преступниками, не совершив его. Кто не притесняет своего должника, а ждет на нем долг молча, тот делает хорошо. Но кто берет с должника только половину долга ради его нужды, тем более кто весь долг отпускает, тот делает лучше.

Патриарх Авраам, возвратившись с войны, мог бы взять всю добычу себе тем больше, что на то же соглашались и сами цари, помогавшие ему, и этот поступок не был бы худ; но когда он уступил все — сделал лучше. Или когда он же Лоту дал свободу избирать лучшее место для своего жительства, поступил наилучшим образом; однако ж и то не было бы худо, если бы он сам назначил ему участок достаточный и хороший, хотя и не лучше. И опять, благоговейно чтимые нами святые Божий затем так возвеличены и прославлены Богом, что они всю жизнь свою поставляли на долю себе всегда избирать лучшее и совершеннейшее.

Если бы все лучшее было непременно законом, куда бы деваться слабым и кто бы мог не падать в отчаяние о своем спасении? Между тем, когда оставляется оно в виде совета, как это утешительно для слабого и робкого духа и вместе как воодушевительно для христианина, чувствующего в себе довольно сил!

Должно, однако ж, напоминать христианину: для тебя приводимы были в движение небо и земля; ты избран, освящен, принял силы яже к животу и благочестию; ужели все это без особенных целей и обязательств для тебя? Нет, христианин, ты тщательно должен совершать всякое возможное для тебя добро, которого только коснулась мысль твоя. Если в благодарность благодетелям в обыкновенной жизни стараются предупреждать всякое их желание, то ты, осыпанный милостынями и силами Божиими, можешь ли отказываться, не возмущая совести, от воли Божией, которая тебе указывает лучший- путь и указывает, не желая, чтобы ты тек по нему. Когда при этом взять во внимание слово Господа: *подставь другую ланиту, когда получи удар в одну* или вообще не противься злу, и слово апостола — *выпниши искать, горняя мудрствовать*, то нельзя, кажется, не заключить, что христианину свойственнее избирать все лучшее и совершеннейшее, разумеется, при возможности исполнить то. Ибо ни Господь, ни апостолы христианам ни в чем не давали никакого послабления, но сколько почитали их высокими, столько обязывали и к высоким, отличным, Божественным делам. И если судить об отличиях христианина от других по предметам действий, то можно прямо говорить: тем и отличается, что всегда в действиях своих избирает отличное. Но опять, какое множество слабых, боязливых христиан, которые едва-едва переступают по пути правому?! Воодушеви, вразуми, возьми его на рамена и неси. Есть пастыри, на то уставленные, чтобы не смотреть только, как идут, а вести и нести... Вообще, нельзя найти прочного основания, по коему можно бы снять с нас обязательство избирать лучшее... В общей нравственности, вне христианства — так, в христианстве сего не должно быть. Кто отказывается от лучшего, тот унижает в себе христианство, сходит на степень естественной нравственности.

Надобно только помнить,

1) что это непременно касается только лучшего, сознаваемого лучшими, к коему есть притом полная возможность; почему оно делается обязательным и для слабого, если растолковать ему то, ибо тогда причиною, почему не выполняется, останется только свое нехотение и себя жаление.

2) Это не касается советов главнейших — безбрачия и произвольной нищеты. Эти точно не для всех. Но *могий вместити, говорит* Господь, *да 'вместит*. Однако и здесь есть внутренние понуждения и внешние указания, которым противоречить небезопасно в деле

Свт. Феофан Затворник